

Глава 6. До чего же ты хорош, прелесть

Вэйшэн скривился и небрежно отбросил цветок в сторону.

— Что ж ты сразу не сказал?

Цан Доушань приподнял траву Лайчунь.

— Вот это тебе и нужно съесть.

Нижние листья на стебле весенницы белели, точно свежавыпавший снег, но ближе к макушке наливались сочной зеленью. На самой верхушке, увенчанной тремя соцветиями, зрел одинокий плод — темно-изумрудный, переходящий в глухую черноту. Именно в этой ягоде таилась первозданная сила растения, самая ценная и целебная его часть.

Вэйшэн был наметан глазом. Молниеносным движением он прищипнул ягоду и поднес к свету, прищурившись.

— И вот эта кроха откроет мне путь к совершенствованию?

— Само собой, — отозвался Доушань. — Но... есть риск.

— Разорвет на куски от избытка силы? — хмыкнул Вэйшэн.

Цан Доушань поморщился.

— Скажешь тоже. До такого не дойдет, но помереть можешь запросто. Притом в страшных муках. — Его голос сделался непривычно серьезным. — Смертные не умеют направлять поток духовной силы, а у этой ягоды нрав буйный. Стоит проглотить ее, как кровь закипит, тело разобьют судороги, разум помутится, и ты вступишь в буйное безумие... А потом просто затихнешь в беспамятстве и... Погоди, эй! Куда?!

Вэйшэн даже жевать не стал — просто закинул плод в рот и сглотнул, звучно причмокнув.

— Фу, привкус какой-то паршивый.

Цан Доушань едва не задохнулся от злости.

— Да чтоб тебя! Ты хоть дослушать мог, перед тем как в рот всякую дрянь тащить?!

— Да если бы и дослушал, все равно сожрал бы, — отмахнулся Вэйшэн.

Доушань глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь и взять себя в руки.

— Прекрасно. Раз уж проглотил, садись и жди.

— Вот видишь, цел и невредим, — хмыкнул Вэйшэн и попытался устроиться поудобнее. — Ой, блядь! Задницу колет!

— У роз вообще-то шипы есть, — безучастно отозвался Доушань.

Вэйшэн принялся нещадно расшвыривать колючие плети роз, расчищая себе пятачок голой земли. Усевшись, он вновь весело оскалился:

— Слушай, а цветы эти, поди, недешевые?

— Дорогие, — кивнул Доушань, опускаясь рядом. — Это розы Хуасюнь. Их лепестки идут на ценнейшие благовония. Цветок безумно капризный, но у знати пользуется огромным спросом.

При этих словах перед его мысленным взором внезапно возник образ из прошлого. Та самая девушка, о которой Учитель говаривал, будто они созданы друг для друга самой судьбой. Она была так же хрупка, изысканна и прекрасна, как эти бутоны, и так же безумно их любила.

Все у них могло бы сложиться. Если бы он тогда не погиб.

— Офигеть! — Вэйшэн алчно посмотрел. — Значит, если тут вся пещера заросла этими розами, мы сидим на куче золота?

— Пожалуй.

— Да мы же на них целое состояние сколотим! Перегоним лепестки на драгоценное масло, пустим в оборот среди зажавшихся толстосумов — и всё, считай, золотая жила! На ресурсы для тренировок до конца дней хватит... — Голос Вэйшэна постепенно утих, а он причудливо поморщился. Он судорожно прижал ладонь к животу. — Доушань... Слышь... Что-то мне как-то хреново...

Первым делом Доушань хотел жестко съязвить: «Так тебе и надо, дурья твоя башка! Будешь знать, как глотать не дослушав!» Но, заметив, как стремительно бледнеет и покрывается испариной друг, он мгновенно растерял весь свой сарказм. Схватив Вэйшэна за руку, он глухо, но твердо произнес:

— Тише, тише. Главное — держись за разум, не смей отключаться. Попробуй нащупать этот жар внутри. Обуздай его, подчини своей воле, и боль отступит.

— Твою ж мать... — Вэйшэн через силу выдавил кривую усмешку, хотя пот катился с него градом. — Тебе... легко говорить...

Вэйшэн замолчал. Он мучительно напрягся, согнулся в три погибели, упираясь лбом в колени. Под ладонью Доушаня кожа парня стремительно накалялась, пока не стала обжигающей, словно тлеющая в костре головешка. Крепко сжав его ладонь и массируя точку между большим и указательным пальцами, тот упрямо шептал:

— Терпи. Стисни зубы и терпи. Сейчас отпустит.

Кожа Вэйшэна побагровела, а ноги свело крупной судорогой.

Разум низвергся в бездонную, беспросветно черную пучину. Это море кипело и ревело, вздымая из глубин мириады истлевших костей; удушливый, могильный смрад накатывал тяжелыми волнами. Из темных вод выплывали бледные лики неупокоенных душ. Они то погружались в бездну, то вновь рвались к поверхности, а их призрачные голоса, исполненные жуткого, извращенного ликования, сливались в тягучую зауспокойную песнь.

«Господи, ну и вонища!»

Барахтаясь в кошмарном бреду, он невольно глотнул этой черной жижи и с изумлением обнаружил, что она вовсе не горькая, а даже сладковатая на вкус.

Стоило ему осознать это, как бушующие волны мгновенно улеглись. Буря стихла в мгновение ока. Вэйшэн растерянно покачивался на зеркальной глади, озираясь по сторонам. Там, где беспросветная мгла сходилась с горизонтом, проступили неясные очертания одинокого острова. Нутром чуя подвох, он всё же без раздумий погреб к суше.

Но верно говорят: близок локоть, да не укусишь. С плаванием та же беда. Сколько бы он ни налягал на воду, берег оставался недостижимым. Вэйшэн словно уперся грудью в невидимую глухую стену.

Сам клочок земли был бесплодным и каменистым. Посреди него сидел некто в простом сером балахоне, безмолвный и неподвижный.

«Слышь, приятель! Ты еще кто такой?»

Фигура в сером даже не вздрогнула.

«Эй, земляк! Подай голос, если живой!»

Незнакомец застыл изваянием. Поняв, что криком делу не поможешь, Вэйшэн собрался с силами и поплыл в обход, намереваясь заглянуть незнакомцу в лицо. Но вскоре его пробрал озноб: фигура в сером плавно разворачивалась в такт его движениям. Куда бы Вэйшэн ни греб, таинственный молчалик неизменно оставался к нему спиной.

«Да пошел ты к черту!»

Крепкое словцо не произвело на молчалика никакого впечатления. Окончательно пав духом, парень отвернулся от проклятого острова и уставился вдаль. Насколько хватало глаз, простиралась лишь бескрайняя черная гладь. Над головой нависали безрадостные пепельные облака.

Он долго дрейфовал без мыслей, пока не вспомнил: там, в бушующей пучине, среди разбросанных костей, явственно звучал чей-то тихий напев. Любопытство взяло верх. Он нырнул поглубже, но почти сразу выскочил обратно — в густой, как деготь, воде было темно, хоть глаз выколи. Раздосадованный, он лениво загреб руками, уплывая все дальше от острова. Это море казалось бесконечным, и он понятия не имел, куда держит путь.

От нечего делать он снова набрал в рот немного воды. Сладкая, зараза. Но стоило ему вспомнить, что этот сироп настоян на бесчисленных покойниках, как он тут же с омерзением принялся плевать.

«И где я очутился? Куда мне теперь деваться?»

Вдруг до его слуха вновь долетели отголоски той самой призрачной песни. Он приоткрыл губы и принялся тихонько напевать этот мотив. Мелодия казалась смутно знакомой — убаюкивающей, нежной, неуловимо напоминающей сладкий, дурманный аромат роз Хуасюнь под покровом ночи. Напевая, он опустил взгляд и внезапно почувствовал, как по щекам катятся слезы.

Невыносимая тоска и горькое раскаяние разом обрушились на него, сокрушая волю. Он опустил на колени прямо на водную гладь, спрятав лицо в дрожащих ладонях. Слезы безостановочно струились сквозь пальцы, словно он оплакивал некий страшный, непростительный грех, вымаливая пощаду у невидимого судьи.

«Я что, младенцев пачками резал, чтобы так убиваться? Очнись, идиот!»

Как ни странно, стряхнуть с себя наваждение оказалось на удивление просто.

Вэйшэн распахнул глаза и уперся взглядом прямо в лицо Цан Доушаня. Несколько долгих мгновений они молча созерцали друг друга, напоминая двух круглых дураков, пока тот

наконец не опомнился и не отвесил ему звонкую пощечину.

Ошарашенный Вэйшэн коснулся щеки и обнаружил на пальцах кровь. Парень невольно вздрогнул, но тут же понял, что кровь была не его: тот прижимал к груди исцарапанную, окровавленную кисть и тихо шипел от боли. Он торопливо сел прямо.

— Твою мать, ты как?! — испуганно забормотал Вэйшэн. — Я... я вообще не помню, что творил!

— Жить буду, — сквозь зубы бросил тот. Он старался держаться невозмутимо, но он выдавал себя покусанными до крови губами и покрасневшими глазами. — У тебя открылись все восемь чудесных каналов. Повезло же тебе, мерзавцу. Поздравляю.

— Да какое уж тут «повезло»... — виновато забормотал Вэйшэн, косясь на его изодранные руки. — Это... это правда моих рук дело? Слушай, ты только не злись, ладно? У меня мазь есть целебная, давай я тебя перевяжу.

Он принялся судорожно шарить по карманам в поисках заветного флакона, но вдруг замялся:

— Слышь... Может, сначала раны обмыть?

— Не надо, — буркнул тот, бесцеремонно вырывая у него мазь и принимаясь самостоятельно обрабатывать глубокие борозды от ногтей. — Выберемся отсюда — тогда и отмоюсь.

— Ну да, ну да... Слушай, тебе же больно, наверное. Давай я тебя на закорках понесу?

Тот вскинул на него взгляд, и он невольно улыбнулся.

— Ну и дурень же ты. Как ты меня на отвесную кручу потащишь? Тоже на спине?

Вэйшэн, все еще слегка заторможенный после пережитого кошмара, закивал головой, точно китайский болванчик.

— Ага, именно. Поднимемся — и сразу на закорки взвалю.

Доушань уткнулся взглядом в свои исцарапанные ладони, покусывая губы, чтобы не рассмеяться в голос. А Вэйшэн глядел на него и вдруг поймал себя на глупой мысли: под этим углом, в тусклом свете пещеры, усыпанной нежными лепестками роз... когда тот так тепло улыбался, он был чертовски, просто невероятно красив.